

А.А. АЙТАЛЫ
*Доктор философских наук, профессор.
Профессор Актюбинского регионального
Государственного университета
им. К. Жубанова**

Традиционный казахский ислам и советский атеизм¹

В статье исследуется специфика феномена традиционного казахского ислама, его взаимоотношения с советским государством, оплотом которого был чуждый цивилизации советский атеизм. Изучая идеологическое противостояние между сторонниками ислама и большевиками, автор показывает утопичность теории отмирания религии, которая нанесла глубокие духовные травмы.

Ключевые слова: традиционный ислам, советский атеизм, профессиональная активность, преследования ислама, носители религиозного сознания.

A.A. AITALY
*PhD in Philosophy, Professor, Professor of Aktobe
Reginal State University after Zhubanov*

Traditional Kazakh Islam and Soviet atheism

The article explores the specifics of the phenomenon of traditional Kazakh Islam and its relationship with the Soviet Union, the stronghold of which was atheism, alien to civilization. Studying the ideological confrontation between supporters of Islam and the Bolsheviks, the author shows how utopian is the theory of religion withering away and in meanwhile, how it caused deep spiritual trauma.

Keywords: traditional islam, Soviet atheism, confessional activity, Islam persecution, carriers of religious consciousness.

* Айталы Амангелды Абдрахманович, e-mail: amangeldy.aitaly@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта № АР 051 33 586 «Мечети и религиозные деятели XIX-начала XX вв. Исследования на основе материалов Актюбинской области»

Великий Шелковый путь благоприприятствовал распространению на территории современного Казахстана последователей разных религий, включая христианство (преимущественно несторианство), буддизм, зороастризм, особенно тенгрианство. Оно сыграло значительную роль в формировании мировоззрения и идеологии тюркских племен. Особенно сильное влияние на протоказахов оказала обрядовая сторона тенгрианства: почитание огня, воздуха, земли, духа умерших предков, культ Солнца, Луны и все это сопровождалось поклонением Богу Тенгри. Этнические традиции и верования впоследствии наложили отпечаток на характер ислама, придав ему неповторимую специфику. Поэтому казахский ислам отличается от узбекского или татарского.

Выдающийся тюркский мыслитель XII в., распространитель ислама Ходжа Ахмет Ясави на родном языке тюркских племен простыми и ясными словами как для степняков, так и для земледельцев разъяснял суть ислама. Он не отвергал доисламские верования, более того, вера в Тенгри, Кудай сохраняла свое значение и постепенно претерпел существенную эволюцию. Теперь смыслом идеи Бога стал Бог ислама – Аллах. Отвергались сложные противоречивые представления из шаманизма, зороастризма, манихейства, буддизма, христианства. Ислам отказался от дикого погребального обряда, когда в могилу воина вместе с ним хоронили жену, солдат и рабов. Так мыслитель зажег свет любви в сердцах степняков. В течение многих веков тенгрианство постепенно приобретало черты единобожия. В народном сознании отождествлялись Тенгри и Аллах. Неслучайно на казахском языке и сегодня эти слова используются как синонимы.

Традиционный ислам исторически не был основой политической и социальной организации общества, а стал этнообразующим фактором, опорой коллективной идентичности. Тем не менее наблюдатели, изучавшие быт казахов, обычно подчеркивали, что ислам казахами усвоен поверхностно. Впрочем, в любой религии были и есть пассивные верующие.

Религия как социальный институт выполняет мировоззренческую, культурную, образовательную и другие функции. Но в силу многих ограничений со стороны власти, а также в основном из-за неграмотности населения религиозность казахов была неглубокой. Интеллектуальная сторона ислама, чтение религиозной литературы, знание истории и законов веры были малодоступны основной массе верующих. Самое

главное – кочевой образ жизни не позволял твердо соблюдать религиозные предписания. «Мой дом – моя мечеть, мой Бог в моем сердце», – гласил народный ислам. Сохранение элементов шаманизма также давало повод говорить о синкретизме религиозных традиций казахов. Однако изучение устного народного творчества, исследования русских и западных этнографов свидетельствовали, что культурно-исторический, социально-психологический уклад жизни казахов основан на исламских ценностях. Их конфессиональная жизнь в отличие от многих тюркских народов более тесно связана с традиционными установками, обрядами, ритуальной практикой, приобретавшими исламский смысл.

Ислам сыграл важную роль в приобщении казахов к культуре одной из мировых религий. Средневековая восточная мысль дала мощный импульс развитию классической мусульманской философии и культуры. Исследователи подчеркивают, что связи средневекового Казахстана с мусульманским миром были весьма интенсивными.

Присоединение Казахстана к России и утрата политической самостоятельности привели к тому, что ханы и султаны, а также мусульманские деятели лишились ведущей роли в политической и духовной жизни. На первом этапе колонизации царская администрация пыталась обратить казахов в православие и стимулировала этот процесс материальными льготами наравне с православными. Но большинство казахов сохраняло веру в ислам. Позже эта политика не была отменена, но началась поддержка ислама среди лояльного власти населения путем строительства мечетей, оплаты жалованья, особенно татарским муллам, работавшим в казахской степи и далеким от чаяний и ожиданий казахов. При этом государство не всегда отличалось веротерпимостью, стремилось жестко контролировать деятельность мулл, пресекало их участие в национально-освободительном движении.

На рубеже XIX-XX вв. в общественной жизни происходили глубокие изменения, укрепилась позиция ислама, росла религиозность населения, казахская молодежь обучалась в мусульманских учебных заведениях за рубежом. Эта ситуация насторожила колониальную власть, которая подозревала казахов в симпатии к панисламизму и пантюркизму. Действительно, Османская империя пыталась объединить всех мусульман мира в единое государство на принципах

ислама. Но незначительная часть интеллигенции чувствовала духовную связь с исламским и тюркским миром. Всё же это привело к особой подозрительности со стороны правительства: резко сократилось количество лиц, совершающих хадж в Мекку, была ограничена деятельность мусульманских просветительских обществ, жестко контролировалась система образования. Дело дошло до того, что царское правительство оскорбляло религиозные чувства мусульман требованием повесить в мечетях портреты царя и генерал-губернатора, предлагалось убрать из Корана суры, где встречаются слова «кафир» (иноверцы), во время чтения Корана за мусульманами следили полицейские, создавались административные учреждения, осуществлявшие надзор над медресе¹.

Антиисламские действия вызывали волну протестов. Начались публичные митинги, казахи присоединились к тем, кто говорил о свободе вероисповедания. Лидер казахской интеллигенции начала XX в., член партии кадетов Алихан Букейханов писал: «Киргизы»² впервые услышали из уст русских подобные речи, и тем был заложен краеугольный камень будущего сближения обоих народов. Киргизы увидели, что не все русские похожи на их старых знакомых, веками дискредитировавших в степи имя русского народа». Традиционный ислам стал отправной точкой размежевания казахской интеллигенции. Незначительная часть казахской интеллигенции, воспитанная на русской литературе и западной культуре, будущее казахов связала с русской и западной цивилизациями, религиозные вопросы они считали второстепенными. Интеллигенция же, воспитанная на национально-религиозных традициях, и составлявшая большинство, ислам и национально-культурные ценности ставила на первое место, искренно и сознательно отождествляла религиозное единство с единством национальным. «Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, – пишет А. Бухейханов, – то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую тюркофилами и поборниками панисламизма»³. Если не считать некоторых групп апологетов ислама, казахи в ос-

¹ Чокай М. «Пантюркизм» и «панисламизм» в центральной Азии. Алмата, 1912, т. 2, с. 140.

² Т.е. казахи.

³ Бухейханов А. Киргизы. («Казахи») // Полн. собр. соч. 2009, т. 3, с. 110-111.

новном были нейтральными к политическим вопросам, их интересовали проблемы духовного управления мусульман, свободы отправления религиозных и национальных обычаев и религиозного образования. Мусульманское движение в казахской степи не носило антихристианской и антирусской направленность.

В политической лексике в первые годы советской власти казахов и другие народы называли «мусульманскими народами», а республики «мусульманскими республиками». При этом имелось в виду, что это народы, исповедующие ислам, территории распространения исламской религии. Несомненно, ислам был системой, регулирующей многие сферы жизни: семью, быт, право, образование – словом, их образ жизни. В свою очередь ислам нашел социальную опору среди значительной части казахского общества. В условиях колониальной зависимости ислам был не только верой, но и охранителем национальных ценностей. Тожественность этнической и религиозной идентичности сформулировала своеобразный сплав этнокультурных и религиозных факторов. В определенном смысле можно говорить о мусульманском национализме в позитивном смысле этого слова. Кроме того, классовые грани были размыты, носители религиозного сознания в анкетах вместо национальности иногда указывали «магометанин».

С самого начала отношение советской власти к исламу было непоследовательным. Чтобы рассеять былые обиды и недоверие, советская власть объявила себя светским государством, уважающим религиозные убеждения всех граждан. Казахи и другие мусульманские общины (узбеки, каракалпаки, уйгуры, дунганы) образование национальной автономии и создание новой государственности связывали с укреплением ислама. Это была разумная надежда с точки зрения этнокультурного и религиозного возрождения. Им imponировала идея о социальной справедливости и равенстве. Опасаясь недоверия, советская власть оказала уважение по отношению к верующим, требовала пресечения чрезмерных административных мер. Работники государственных органов пытались убедить мусульман, что антирелигиозная политика направлена не против ислама вообще, а против конкретных людей или групп лиц. Идея на компромисс с исламом, проявляя терпимость, большевики, однако, предупреждали о недопустимости излишнего либерализма. В

идеологической работе религия преподносилась как оплот духовенства, вообще богатых слоев. Главными стратегическими задачами все-таки оставались ослабление влияния религии и религиозных деятелей и постепенная адаптация населения к атеизму. Мусульмане в этих условиях испытывали двойное идеологическое воздействие. Критикуя ислам, коммунисты в то же время восхваляли Коран, выдавая себя тем самым за защитников мусульман. Мусульманских деятелей то принимали за распространителей невежества и суеверий, то считали их людьми, пользующимися уважением и доверием среди населения благодаря уму и честности.

Противоречивая политика поставила лидеров мусульманского духовенства перед необходимостью искать сближения с социализмом. Их называли модернистами, «красными муллами». Они справедливо полагали, что лозунг «Свобода, Братство, Равенство» – идеал общечеловеческий. Противопоставление общества по классовым признакам отрицательно сказывается на интеграции общества, раскалывает его на богатых и бедных, верующих и неверующих. Духовные деятели обращали внимание на то обстоятельство, что борьба с исламом равносильна борьбе против национальной культуры. Если вдуматься, есть много общего между социализмом и исламом: коллективизм, приоритет интересов общины, забота о равенстве, социальная защита бедных, забота о семье и детях, социальная справедливость. Однако предубеждения, основанные на узкоклановых позициях, были несовместимы с общечеловеческими ценностями.

Мусульмане, испытавшие на себе антиисламскую политику царского правительства, антирелигиозную пропаганду советской власти воспринимали как продолжение курса прежней власти, а это еще более укрепляло внутринациональное единство. Поэтому в борьбу против ислама направлялись коммунисты-националы. Но по религиозным ориентациям они были неоднородны. Одни из них были верующими, ибо в отдельных случаях членство в партии не связывалось с атеизмом, другие придерживались мягких либеральных позиций, мотивируя это тем, что народ не созрел

для восприятия атеизма, третьи были горячими сторонниками атеизма, более радикальных методов¹.

На начальных этапах социализма отмечается активизация конфессиональной жизни. Примечательно, что идея отделения религии от государства в патриархальной среде, где не укоренились еще светские порядки, не сработала. Местные мусульманские общины кроме религиозных дел стали органами управления делами детей и молодежи, образования, благотворительности, семьи, собственности. Советские работники в этих условиях согласовывали свои действия с мусульманскими общинами, действовавшими во всех областях Казахстана и объединявшими служителей ислама разных национальностей. В республике насчитывалось несколько десятков религиозных школ, где изучались и светские дисциплины, строились мечети, действовали шариатские суды.

Конфессиональная активность отмечалась особенно на юге республики. Но верующие на всякий случай признавали и власть партии. На вопрос «Вы верите в Бога?» они отвечали: «Мы все верим в Бога, мы ходим в мечети, никто не запрещает читать Коран, мы уважаем партийный комитет и Бога не забываем. Тот, кто забыл Бога, нехороший человек. Я думаю, что Ленин уважал тоже Бога»².

Активизация ислама внушала опасения властям. Идеологическое воздействие на верующих было малоэффективным. Логика противостояния традиционного ислама и атеизма диктовала им необходимость жестких мер.

После революции большевики не раз заявляли о том, что европейские страны, провозгласив принцип отделения религии от государства, не довели его до конца, потому что европейская буржуазия была зависима от духовенства. Теперь большевики принялись доводить его путем радикальных действий до конца, ликвидировав классовые корни религии. Вопрос о культурных и духовно-психологических основах религии считался бессмысленным. Так была провозглашена политика воинствующего атеизма. Она не допускала дискуссии, обмена мнениями, диалога, не говоря о научной критике или возражении.

¹ Преодолевая религиозное влияние ислама. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1990, с. 67-68.

² Там же, с. 148.

Известно, что атеизм в основном возник в европейской культуре как оппозиция христианству. Сегодня это либеральный атеизм, основной целью которого является не преследование и даже не критика религии. Основной деятельностью является научное толкование природы, общества, формирование познавательных и творческих способностей человека, а затем уже ведение дискуссии с религией. Либеральные атеисты уважают верующих и не призывают их отказаться от своего миропонимания. «Государственный атеизм» советского типа ассоциируется только с материалистической философией, а европейские атеисты являются философами-идеалистами, такие как Ф. Ницше, А. Камю, Ж.-П. Сартр и Р. Рассел. Понятие «атеизм» не носит отрицательного смысла, поскольку имеет глубокие цивилизованные истоки.

Большевики руководствовались идеей отмирания религии. Религия по марксизму как «превратное сознание», «дух бездушных порядков», «сердце бессердечного мира», «опиум народа» прикрывает жестокую правду насилия и эксплуатации человека человеком. Она в классовом обществе утверждает его богоустановленность, направляет энергию на обретение «царства небесного» и противопоставляет социализму как построению достойной жизни на этой земле. Общество созревает в процессе исторического развития для того, чтобы ликвидировать «превратный мир». Одностороннее выпячивание классового фактора и сдерживание в его рамках национальных и духовных начал обедняли содержание духовной жизни. Национальная культура постепенно теряет самобытные черты, а ислам перестает быть этнообразующим фактором.

Грубый советский атеизм напоминает средневековую инквизицию. Жесткая доктрина безбожия строго контролировала не только религию, но и все сферы духовной жизни, литературу, искусство, поэзию, право, образование и науки. Были закрыты медресе, в систему образования, особенно в программы педагогических заведений, курсов, рабфаков и школ были введены антиисламские уроки. Антирелигиозная литература на казахском, узбекском, уйгурском и каракалпакском языках продавалась по низким ценам или раздавалась бесплатно. Шариатские суды были распущены. Ставилась задача заставить людей в массовом порядке отказаться от национальных обычаев и традиций. Добровольные пожертвования людей, которые на протяжении веков пере-

плетались с национальными обычаями, теперь воспринимались как незаконные поборы. Исламские праздники были отнесены к праздникам богатых людей и запрещались. Государство направило на борьбу с исламом молодых людей, еще не успевших впитать национальные ценности. В учебных заведениях ставились спектакли, организовывались антирелигиозные митинги. Многие мечети закрывались под предлогом, что население не посещает их, а люди боялись их посещать. Каждая закрытая мечеть или церковь была расценена как большая победа атеистов и как пробуждение народа и обретение им свободы. Закрытые мечети и церкви приспособлялись под клубы, складские помещения. Установление красного флага на минаретах мечетей и куполах церквей стало широко распространенным явлением. Оскорбления и нападки на верующих во время богослужения также стали частым явлением. Казахи не без зависти слушали рассказы бродячих мулл о справедливости в Турции и в других мусульманских странах.

Наступление на духовную культуру и традиционные ценности сопровождалось гонениями на носителей религиозного сознания. Развернулась масштабная работа по тотальному преследованию духовенства независимо от конфессиональной принадлежности, применялись различные репрессивные меры.

В постсоветской литературе имеет место упрощенная трактовка роли народа в трагические периоды истории. В этой связи уместно замечание профессора П. Я. Циткилова, что нельзя идти на поводу у тех, кто пытается «представить народ страны никчемным, рабским, ограниченным»¹. Это замечание особенно уместно по отношению к религиозным деятелям, в частности и мусульманским, которые были не только объектом репрессий и гонений, но и активным субъектом, защитником национальной самобытности.

Обычно ислам считают защищающей религией. В условиях определенной терпимости к исламу в начале 20-х гг. и потом религиозные деятели были активными защитниками национальных традиций, образования, культуры. Противостояние духовных лидеров носило сугубо мирный, практич-

¹ Циткилов П.Я. Наступление глобализации на православие и современная Россия // Социально-гуманитарные знания, 2019, № 4, с. 215.

ный характер, связанный с повседневной жизнью. В некоторых случаях разгневанные действиями советских чиновников мусульмане прибегали и к открытому сопротивлению.

Среди духовных лиц были просвещенные, понимавшие необходимость культурных преобразований разделявшие политику советской власти. Однако идея неприятия атеизма оставалась доминирующей. Они были против перехода казахского алфавита с арабского на латинский, расценивая лингвистическую реформу как антиисламскую акцию. К тому же арабский алфавит – богатое духовное наследие. Кстати, ожидаемый в Казахстане переход алфавита на латиницу также вызывает подобные опасения.

Свободные от узкого прагматизма духовные активисты, в том числе и представители культуры, мужественно защищали мировоззренческие позиции. Поэт, религиозный мыслитель Шакарим Кудайбердиев (1858-1931), погибший от рук чекистов, когда близкие предлагали ему смириться, сказал: «Правда истории не погибает. И тогда кем я окажусь перед историей, перед честными людьми, получится, не однажды, а дважды погибну». Имеющие светское и религиозное образование, духовные активисты были популярны в обществе, изолировать их было непросто и гонения на них были логичными с точки зрения большевизма.

20-30-е гг. прошлого века ознаменованы также крупными поворотами на историческом пути казахов и других народов, совершавших переход к социализму, минуя капитализм. Коренное население было форсированно вовлечено в индустриальное развитие и урбанизацию, образовательные и культурные преобразования. Эти изменения сопровождались болезненной ломкой этнокультурной и религиозной жизни. В то же время нельзя отрицать огромные позитивные изменения в жизни народов. Однако эти достижения переплетались с трагическими потерями, вопиющим пренебрежением к национальным, социальным и духовным ценностям Национальная политика была политикой национального нигилизма, что привело к унификации, экспроприации земли, собственности, скота и массовому голоду.

В результате в 1930-1932 гг. погибло 2,1 млн. жителей республики. Спасаясь от голода и репрессий, свыше 1 млн.

человек иммигрировали за пределы республики¹. Большинство казахских историков считает, что голод был не преднамеренным актом против казахского народа, а следствием неумелой организации экономических и социальных преобразований. Но последствия голода были равносильны геноциду. Воспитанные на идеях традиционного ислама голод воспринимали как антиисламскую агрессию.

Теологи справедливо утверждают, что подобно физическому закону сохранения и превращения энергии в природе существует закон сохранения энергии и в духовной жизни. Казалось бы, массовые репрессии не оставляют места для религиозности. В умах людей преобладали апатия, безнадежность. Но эти настроения привели к росту религиозности, к объединению верующих. Религия переместилась в сферу семейных традиций и обычаев, ушла в подполье.

Советский атеизм исключил традиционное этническое бытие, энергично и наступательно принялся выкорчевывать религию.

Приверженность к этнокультурным традиционным ценностям рассматривалась как отставание сознания от наступившего социалистического бытия. Идея общества без бога была изначально обречена на провал, ибо большевики посягнули на высшие цивилизованные ценности. Однако возвращение народа к исламу сегодня сопровождается весьма сложными противоречивыми процессами. К сожалению, общество, в особенности властвующая элита, правоохранительные органы не освободились от чрезмерной подозрительности, привычек топорного атеизма. Негативный опыт прошлого еще не стал уроком. Зачастую здоровое стремление к традиционному исламу расценивается как экстремизм, а духовенство медленно адаптируется к новой религиозной ситуации².

¹ Сыдыков Е. Шакарим. Москва, 2012, 289 с.

² Кыдыралина Ж.У. История и религия в Казахстане. Астана, 2007, 32 с.